

УДК 9с(47.20)

Статья

«НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ» ОЛОНЕЦКИХ ПОЛКОВ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ (1649—1666)¹

Брусницына Дарья Владимировна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

младший научный сотрудник МНОЦ CARELiCA
Института Североевропейских исследований ПетрГУ,
преподаватель кафедры всеобщей истории
Исторического факультета ПетрГУ.

http://illmik.petrSU.ru/illmik/Brusnitsina_CV_ru.html

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос об офицерском составе полков пашенных солдат, сформированных из государственных крестьян Олонецкого уезда (1649—1666 гг.). В фокусе внимания автора иноземные и русские «начальные люди», их соотношение в изучаемых полках в разные годы их существования, взаимоотношения с подчиненными солдатами и местным населением. На основании анализа актов и росписей имен «начальных людей» сделаны предварительные выводы о возможности установления вероисповедания некоторых иноземных офицеров. Выявленные случаи принятия иноземными «начальными людьми» православия проанализированы с точки зрения влияния данного факта на их продвижение по службе и повышение в военном чине.

Ключевые слова: Олонецкий уезд; XVII век; полки нового строя; пашенные солдаты; русские начальные люди; иноземные офицеры.

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01225 а2

Введение

В 1649 г. в Заонежских и Лопских погостах были созданы солдатские полки, рядовой состав которых полностью состоял из местных государственных крестьян. В середине XVII в. солдатские полки, наряду с драгунскими и рейтарскими, относились к так называемым полкам «нового» или «иноземного» строя, поэтому первоначально их командное звено состояло из иноземцев, и лишь спустя некоторое время среди офицеров полков «нового» строя появились русские «начальные люди». В Заонежские погосты в 1649 г. для обучения местных крестьян военным навыкам по западноевропейским образцам были направлены 104 иноземца [1: 170—173].

Кем были зарубежные офицеры, которые поехали в Заонежские погосты для обучения пашенных солдат, как складывались их взаимоотношения с местными крестьянами, каким был их нравственный облик, семейное и материальное положение, вероисповедание, были ли среди командиров олонецких пашенных солдат русские «начальные люди» и сколько — все эти вопросы до настоящего времени остаются малоизученными.

Историография

Специфику отношения русских православных людей к инославным иноземцам изучали еще дореволюционные исследователи. В частности, П. О. Бобровский писал: «Иноземцев не любили, иноземцам не доверяли, но не могли от них устраниваться, не могли не признавать их превосходства в ратном деле и брали от них все, что могли взять для устройства полков по их образцу ...» [45: 73.]

Что касается морального облика иноземных офицеров, то у местного населения, несомненно, были причины для недовольства. Склонность некоторых иноземцев, направленных на службу в Заонежские погосты, к злоупотреблению своим служебным положением проявилась уже по пути из Москвы к месту назначения. Их поведение по дороге на Олонец в 1649 г. было изучено автором данной статьи. В опубликованной по итогам исследования работе реконструирован путь иноземных офицеров из Москвы в Заонежские погосты, установлено какими группами они передвигались, как относились к местному населению, какие на них поступали жалобы и как центральная власть отнеслась к проступкам военных специалистов, нанятых за высокое жалование для пользы вооруженных сил России [46].

Проблеме адаптации иноземных офицеров в крестьянском сообществе Заонежских погостов посвятил статью А. С. Рыжков [55]. Исследователь проанализировал как складывались взаимоотношения местных крестьян и чуждых им по культуре, вероисповеданию и языку иноземных офицеров. Он обозначил проблему бытовых конфликтов крестьян с офицерами, поселенными к ним в избы, и связанные с этим неудобства для обеих сторон. Рассматривая вопросы размещения иноземцев, автор указал, что несмотря на предписание старостам отводить для проживания иностранных офицеров новые дворы, до начала 1651 г. этот вопрос так и не был окончательно урегулирован. Отведенные иноземцам дворы часто оказывались непригодными для проживания, а местные власти отказывались нести издержки на строительство новых или хотя бы компенсировать расходы на ремонт старых построек. Исследователь привел цитату из челобитной полковника М. Кармихеля, в которой тот описал свои жилищные условия: «жить стало невозможно, потому что хоромы все трухлявы, летом в ненасные дни везде каплет, а в зимнее время жить холодно, и все, государь, служивое рухлядишко и запасишко от мочи гнеет» [55]. А. С. Рыжков подчеркнул, что с подобными проблемами сталкивались практически все офицеры, прибывшие на службу в Карелию. Следует отметить, что сведения статьи нуждаются в значительных дополнениях в связи

Рис. 1. Источник: http://illmik.petrus.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html
Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе
[Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2.
Электрон. ст.

с тем, что работа А. С. Рыжкова находилась на начальной стадии и, как сообщил сам автор, им были изучены документы только за 1649—1651 гг. и только из фонда Олонецкой воеводской избы. В частности, автор ничего не написал об установленном сроке проживания иноземцев в крестьянских дворах, об имевшем место найме иноземными офицерами дворов за свой счет и не привел ни одного случая благополучного разрешения проблемы с предоставлением жилья иноземцам. Затронув в своей статье вопрос о национальном составе офицерского звена полков пашенных солдат, автор вначале пришел к выводу о присутствии русских офицеров в среднем управлявшем полками звене. Однако, остановившись на проблеме интерпретации имен офицеров, А. С. Рыжков отметил, что иноземные имена иногда заменялись на русские эквиваленты и в этих случаях бывает сложно определить, русский это офицер или иноземный. В результате проведенного анализа исследователь пришел к выводу, что в первые годы существования службы пашенных солдат все офицеры среднего звена все-таки были иноземцами с русскими именами. Какие изменения в составе начальных людей происходили в последующие годы автор не написал.

Вопрос о назначении в олонетские полки пашенных солдат русских начальных людей затронул А. Ю. Жуков. Исследователь не указал, в каком году в этих полках появились русские офицеры, но на основании сметы расходов Олонецкого уезда за 1655/56 г. отметил, что к 1656 г. некоторые из них «успели «дорости» до званий майоров и капитанов», поскольку, как пишет автор, за выслугу лет им полагалось продвижение по службе и повышение жалования [47: 208]. В своей монографии А. Ю. Жуков привел следующие имена русских офицеров, служивших в полку Вальтера Кармихеля, которые он выявил в смете расходов за

1655/56 г.: майор — Роман Шестаков; капитаны — Василий Мячков и князь Андрей Вязеский; поручики — Василий Долматов, Михаил Кочановский, Афонасий Воеводин, Еремей Пятого, Козьма Шишкин, Евтихий Ветчев, Дмитрий Битяговский. Далее автор сообщает, что «в 1656/57 г. в полку майором служил уже Петр Озеренский, капитанами были, кроме вышеназванных, Иван и Кондратий Пятого, Автоном Кудрявого, Иван Неелов, поручиками — те же и Богдан Головин. Подобным образом А. Ю. Жуков проследил офицерский состав полка Вальтера Кармихеля за несколько лет [47: 208]. При этом в изложении данного вопроса автор допустил некоторые фактические неточности, которые могут быть объяснены двумя причинами. Во-первых, А. Ю. Жуков оставил непрочитанной одну строку в смете за 1655/56 г. Результатом пропуска этой строки стало то, что автор привел неполный перечень русских капитанов за этот год. О капитанах Иване и Кондратии Пятого и Автомоне Кудрявого, служивших в полку Вальтера Кармихеля в этом чине уже в 1656 г. и зафиксированных сметой за 1655/56 г., А. Ю. Жуков написал, что они отмечены, начиная со сметы за 1656/57 г. Также исследователь неправильно прочитал фамилию одного поручика: вместо «Бегичев» прочитано «Ветчев» [39. Л. 150—151.] Во-вторых, использование в качестве источников только смет привело А. Ю. Жукова, в частности, к ошибке в указании даты создания полка Томаса Крафтерта: 1657/58 г. [47: 206]. На самом деле решение о создании этого полка было принято еще в конце 1653 г., а сформирован полк был после прибытия полковника в Олонецкий уезд в апреле 1654 г. При этом упомянутые А. Ю. Жуковым среди начальных людей полка Вальтера Кармихеля майоры Петр Озеренский и Роман Шестаков в 1654 г. служили в полку Томаса Крафтерта в чине капитанов [42. Л. 44.]

В рамках работ по истории Карелии XVII века об иноземных офицерах, прибывших для обучения олонецких пашенных солдат, упоминали Р. Б. Мюллер, Т. В. Старостина, И. А. Чернякова [52; 56; 57]. В трудах О. А. Курбатова и А. В. Малова, посвященных различным вопросам истории полков «нового строя», также есть некоторые сведения об иноземных офицерах, командовавших солдатскими полками Олонецкого уезда [48; 49; 51].

В связи с рассмотрением царского указа 1652 г. о запрете русским людям работать на иноземцев и жить у них во дворах, на вопросе взаимоотношений карельских пашенных солдат с их иноземными командирами останавливались исследователи С. П. Орленко и Т. А. Опарина [53; 54]. В фонде Олонецкой воеводской избы сохранилась челобитная полковника А. Гамильтона воеводе А. Чоглокову с жалобой на солдат, которые, узнав об этом указе, перестали повиноваться начальным людям, апеллируя к указу о запрете русским людям иметь какие-либо отношения с иноземцами. Эта челобитная опубликована и проанализирована в контексте правового положения иноземцев в России историком С. П. Орленко [54: 289]. Также на данный документ обратила внимание Т. А. Опарина. Исследовательница сделала вывод, что в связи с волнениями крестьян, возникшими после названного указа, в олонецкие полки были посланы крещенные в православную веру иноземцы, в частности, Иван Данилов Ильфов. По мнению Т. А. Опариной, крещение Ивана Ильфова в православие в 1648 г. сыграло большую роль в его карьерном росте — от рядового до капитана [53: 198—200]. О роли принятия иноземцами православия писали также О. А. Курбатов и Т. А. Лаптева [48; 50].

Неповиновение пашенных солдат иноземным офицерам случалось и в последующем, и было связано в том числе с неприязненным отношением православных солдат к офицерам-иноверцам. Исследователь А. В. Малов рассмотрел один случай бунта, произошедшего в 1662 г. в полку Ягана Трейдена, находившегося в то время в Пскове. Непослушание солдат было вызвано их несогласием с вынесенным смертным приговором двум их товарищам: за бегство со службы два солдата были приговорены к повешению, однако остальные солдаты

вместе с жителями Пскова не дали привести приговор в исполнение, поскольку исходил он от иноземца — Ягана Трейдена. По мнению А. В. Малова, русские люди, в том числе солдаты, полагали, что иноземцы не имеют права осуществлять высшую меру наказания — казнить провинившихся православных солдат [51. С. 122—123].

Источники

Основным источником информации для настоящего исследования послужили актовые материалы из фондов 98 «Олонецкая воеводская избы» (Архив СПбИИ РАН), доступные автору в виде электронных копий в виртуальном архиве Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) на Историческом факультете ПетрГУ, и 141 «Приказные дела старых лет» (РГАДА), а также сметы доходов и расходов Олонецкого уезда из фонда 137 «Боярские и городовые книги» (РГАДА).

На основании анализа актов в статье рассмотрены вопросы взаимоотношений (бытовых и служебных) иноземных офицеров с местным населением, подчиненными солдатами и уездной администрацией в лице олонецкого воеводы. Бытовые взаимоотношения связаны в первую очередь с расселением офицеров по крестьянским дворам и возникавшими в результате конфликтами, доходившими не только до словесных оскорблений, но и до нанесения телесных повреждений. Причина бытовых конфликтов могла заключаться и просто в неприязни местных жителей к иноземцам. В таких случаях конфликт мог возникнуть при встрече на улице или в чьем-либо доме. Круг вопросов о служебных взаимоотношениях включает жалобы солдат и начальных людей друг на друга. Солдаты жаловались в основном на режим учений, из-за которого им приходилось отрываться от своих крестьянских занятий, и на требования офицеров являться на смотры в центры погостов или волостей, до которых жителям многих деревень было очень долго и неудобно добираться. Начальные люди в свою очередь жаловались на отказ солдат подчиняться их приказам, на неявку на учения, оскорбления, угрозы расправы.

За период с 1649 по 1651 гг. в фонде Олонецкой воеводской избы выявлено около тридцати дел, касающихся бытовых и служебных взаимоотношений пашенных солдат и иноземных офицеров. В последующие годы среди актов не встречается жалоб местного населения на начальных людей в связи с их расселением по погостам или в связи с режимом учений и смотров. Со стороны иноземных офицеров жалобы на поведение пашенных солдат после 1651 г. подавали несколько раз полковники — А. Гамильтон и М. Кармихель. В период русско-польской войны 1654—1667 гг. пашенные солдаты и крестьяне вновь стали подавать много челобитных с жалобами на начальных людей, солдатских сыщиков и высельщиков, но связаны были эти жалобы уже с вопросами отправки пашенных солдат и их родственников на театр боевых действий. Солдаты и крестьяне обвиняли сыщиков и высельщиков (ими часто становились начальные люди) в злоупотреблениях служебным положением, вымогательствах, укрывательстве за «посулы» одних солдат и призыве тех, кто не был обязан служить по возрасту, состоянию здоровья, материальному положению или потому, что кто-то из этой семьи уже находился на войне. Начальные люди в этот период жаловались в основном на массовое бегство пашенных солдат со службы.

Особо следует отметить информативную ценность хранящихся в РГАДА (фонд «Приказные дела старых лет») росписей начальных людей полков олонецких пашенных солдат за 1653—1656 гг. Составление росписей было связано с выдачей офицерам денежного жалованья. За 1653 г. имеются сведения об офицерском составе двух полков — полковников А. Гамильтона и М. Кармихеля, за 1654 г. трех полков — под командованием А. Гамильтона, М. Кар-

Рис. 2. Из презентации Д. В. Брусницыной, представленной на коллоквиуме в сентябре 2013 г.

михеля и Томаса Крафтерта. За 1655 г. в деле имеются росписи четырех полков, сформированных из олонецких пашенных солдат: полковников М. Кармихеля (сам полковник погиб под Брестом в ноябре 1655 г.), А. Гамильтона, Ирика Андерсона (назначен полковником в марте 1655 г.) и Томаса Гейса (назначен полковником на место Томаса Крафтерта в марте 1655 г.). В 1656 г., судя по сохранившимся росписям, полков пашенных солдат было уже пять: А. Гамильтона, Ирика Андерсона, Т. Гейса, Т. Крафтерта (по-видимому, его назначили полковником еще одного полка) и Вальтера Кармихеля (назначен полковником нового полка в марте 1656 г.). Из других актов документов известно, что в апреле 1659 г. на место полковника В. Кармихеля был назначен Яган Трейден, прежде бывший в чине подполковника в полку Томаса Крафтерта. Также есть упоминание о полковом командире Иване Фливерке (ноябрь 1661 г.) и роспись беглых заонежских солдат этого полка [41. Л. 227—241, 535—551, 565—566, 609—611; 42. Л. 7—15, 16—23, 44—46, 81—90, 119—135, 185—193, 205—209, 223—226, 240—249, 254—261, 264—270, 276—284 об., 299—300, 401—432; 43. Л. 14, 205—212].

Данные документы содержат важную информацию. Во-первых, позволяют проследить изменения офицерского состава и сделать выводы о соотношении иноземных и русских начальных людей в полках олонецких пашенных солдат (по крайней мере, за 1653—1656 гг.). Во-вторых, из списков можно почерпнуть некоторые сведения о крещении иноземных офицеров в православие с тем, чтобы определить, повлиял ли переход в православие на их карьерный рост. В-третьих, на основании анализа размера денежного жалования можно сделать вывод о статусе и ценности иностранных и русских военных специалистов в России в XVII в. Кроме того, пометы напротив имен начальных людей в списках дают возможность выявить о них некоторую персональную информацию, в том числе о повышении в чине, переводе в другой полк, ранении или гибели на службе.

В ходе исследования нами выявлено, что в период войны с Польшей 1654—1677 гг. русских начальных людей в олонецких полках было уже немало. Это очевидно из списков личного состава полков. В случае наличия русских служащих это отражалось в списках: по каждому чину сначала составлялся перечень иноземцев, затем — русских.

Рис. 3. Сержант отряда Христиера Зомме обучает посошных ратных людей обращению с пикой по нидерландскому уставу в лагере М. В. Скопина-Шуйского под Калязинским монастырем (август 1609 г.)
Источник: http://warriors-russia.ru/publ/rossija/srednie_veka/opyt_vvedenija_niderlandskoj_voennoj_sistemy_v_rossii_v_nachale_xvii_veka_oleg_kurbatov/8-1-0-8

Курбатов О. А. Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского: Опыт внедрения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // Цейхгауз. М., 2002. № 19 (3/2002). С. 4—6.

Относительно принятия иноземными офицерами православия выводы возможны на основе такой пометы как «новокрещен», например: «майор новокрещен Петр Флерман» [41. Л. 550.] (вероятно, он же в другом списке написан как «майор новокрещен Петр Лермант» [41. Л. 565.]), прапорщик «новокрещен Иван Ильфов» [41. Л. 230.] или указания русского имени, полученного при крещении в православие, после имени иностранного: «Петр Фредриков (Матвей во крещеньи)» [41. Л. 425.], «Александр Гоконов (во крещеньи Анисим)» [41. Л. 438.], «Кашпир Петров (во крещеньи Максимов) [так в источнике]» [41. Л. 540.], «Джон Мичел (во крещеньи Захарий)» [41. Л. 541.], «Томас (во крещеньи Матвей) Спенсов» [41. Л. 545.], сержант «Яков Русельи (во крещеньи Александр Фули)» [41. Л. 547.], сержант «Мартин (во крещеньи Григорий) Зом» [41. Л. 552.] Также встречается иная формулировка при добавлении русского имени к иностранному: «а по-русски ...». Можно предположить, что в таких случаях речь тоже шла об иностранцах, принявших православие. Так, в росписи начальных людей полка М. Кармиева, составленной в январе 1656 г. (сам полковник к тому времени уже погиб), значатся с такими пометами капитан «Петр Крести (а по-русски Яков)» и капитан «Рычерт Салтус (а по-русски Григорий)» [42. Л. 242—243].

Сметы доходов и расходов Олонецкого уезда — также важный источник по истории олонечских полков пашенных солдат. В них находим сведения о расходах на жалованье начальных людей и денежное вознаграждение за службу на войне, выданное как офицерам, так и солдатам, и записи о различных тратах на вооружение, снаряжение, обмундирование, хозяйственные нужды полков. Как уже выше было отмечено, сметы изучал А. Ю. Жуков. Однако исследователь, во-первых, не привлек в своей работе все сведения источника, во-вторых, некоторые его выводы нуждаются в уточнении.

Обсуждение

а) Расселение иноземных начальных людей в Олонецком уезде в 1649—1651 гг.

Как уже было отмечено выше, первоначально в 1649 г. все направленные на службу в Заонежские погосты начальные люди были иноземцами. Приехав на место службы, они были расквартированы по населенным пунктам, в основном, центрам погостов и волостей, некоторые из которых находились «от Олонца по 500 и 600 и 700 верст и больше». Об этом, а также о том, что «в погостах двор от двора по полуверсте, по версте и больше», офицеры писали в своих челобитных [41. Л. 35], вероятно, подчеркивая, в каких сложных условиях им приходилось жить и осуществлять обучение солдат. За постой в крестьянских избах иноземцы давали определенную плату хозяевам жилья, однако крестьянская община должна была компенсировать им денежные средства, потраченные и на оплату постоя, и на ремонт предоставленных старых дворов, и на постройку новых дворов, построенных в последующем специально для иноземных офицеров [6. Сст. 13—14; 14. Сст. 15; 20. Сст. 21; 25. Сст. 4—5; 26. Сст. 10—11 с об.; 29. Сст. 13—14; 31. Сст. 17; 32. Сст. 1—2.]. Тем не менее, полковникам Александру Гамильтону и Мартину Кармихелю их расходы на постройку двора «своими деньгами» были компенсированы в 1653 г. из олонецких таможенных доходов. Как ясно из документа, А. Гамильтону постройка двора обошлась в 40 рублей, а М. Кармихелю — в 112 рублей с полтиною [41. Л. 256—262.] Некоторые иноземцы привозили с собой в Олонецкий уезд свои семьи, жен и детей, а также слуг. В частности, майор Ирик Андерсон привез с собой на Олонец жену и детей [29. Сст. 13—14.] Так же поступил А. Гамильтон [41. Л. 258—260], в то время как о М. Кармихеле подобных данных нет. Семьи некоторых иноземцев оставались в Москве, куда они иногда, как выясняется по их челобитьям, ездили проведать своих домашних [11. Сст. 5—6; 12. Сст. 2об.]

Иноземцев поселяли в определенный крестьянский двор как правило на один год, по истечении установленного срока переводили в другой. Для каждого из них такая практика была связана со значительными неудобствами по организации переезда, обустройству в новом дворе и влекла дополнительные затраты. Тем не менее, постепенно, по-видимому, проблема с расселением иноземцев была или решена, или исчезла необходимость в ее решении, так как после 1651 г. в фонде Олонецкой воеводской избы нет документов, которые касались бы разбирательств по поводу проживания в погостах иноземных офицеров. О том, как вопрос с жильем был решен в отношении полковников М. Кармихеля и А. Гамильтона написано выше. Вероятно, другим начальным людям также были предоставлены отдельные старые дворы из пустовавших или построены новые.

Можно предположить, что с началом русско-польской войны проблема с размещением иноземных офицеров в Олонецком уезде стала меньше ощущаться по причине их отправки на театр боевых действий. В 1654 г. воевода А. Чоглоков сообщал в Москву, что оставшихся в уезде солдат «учить нечем и некому», так как все вооружение увезено и все начальные люди отправлены на войну [41. Л. 627—628.] Таким образом, вероятно, был период, когда в Олонецком погосте иноземцев не оставалось вовсе. Неясным остается вопрос, что стало с семьями и слугами тех иноземных офицеров, которые привезли их с собой в Олонецкий уезд. В изученных нами источниках нет никаких сведений о взаимоотношениях местных крестьян ни с теми, ни с другими. Возможно, обе стороны старались избегать контактов. Также нет данных о том, были ли семьи иноземцев вывезены из Олонецкого уезда в 1654 г., когда все начальные люди отправились на войну с Польшей. Скорее всего, что нет, так как есть данные о продолжении пребывания полков Вальтера Кармихеля и Томаса Крафтера в Олонецком уезде в 1659 г., а также полков Томаса Гейса и Ягана Трейдена в 1660-е гг. [44.

Л. 138—148, 168, 605—606.] Однако жалобы на расселение начальных людей по крестьянским дворам более не встречаются в источниках. Вероятно, для всех офицеров и урядников были к тому времени построены отдельные дворы.

б) Конфликты с местным населением и подчиненными солдатами

Что касается жалоб начальных людей на непослушание солдат, их также обнаруживается немало. Так, когда с января 1651 г. солдатам было вменено в обязанность изготавливать фитили из своего льна и ковать пики [27. Сст. 16—17; 41. Л. 23—26], они начали бунтовать против несения солдатской службы. В марте 1651 г. Александр Гамильтон подал челобитную с жалобой на солдат, которые отказывались не только делать фитили и ковать пики, но даже ходить на учения. Полковник сообщал, что в погостах есть некоторые люди, которые «подговаривают» солдат к непослушанию начальным людям и неисполнению их приказов. Также он упрекал солдат в самовольных выездах на ярмарки, в то время как они должны все быть по домам, делать фитили, пики и быть готовыми к службе «со всяким запасом» [28. Сст. 1—6].

Спустя год, в 1652 г., Александр Гамильтон снова жаловался на солдат. Однако на этот раз причину непослушания полковник усмотрел в царском указе, запрещавшем русским людям работать на иностранцев и жить у них во дворах. Полковник Гамильтон в челобитной на имя царя сообщал: «В нынешнем 1652 г. пришла в Олонец грамота, что русским людям у нас жить не велено и на дворы к нам ходить не велено ж, что мы де иноземцы неверные и не крещены, и уведав то, солдаты нас холопей твоих не почитают и не слушают, и на ученье и с ученья ходят самовольно, и нас называют неверными и некрещеными, и от того их огурства твоей государеве службе в ратном строе чинитца поруха, которое ученье выучили и то в том своей огурстве перезабудут» [41. Л. 63.] Таким образом, неоднозначное отношение к иностранцам самой власти вносило неясность в их взаимоотношения с русскими людьми, и несмотря на царское повеление солдатам, «чтоб они на ученье салдатцкого строю ходили и были в том ученье у начальных людей в послушаньи, а их ничем не бесчестили» [41. Л. 64—66], проблема негативного отношения пашенных солдат к службе под началом иноземных офицеров сохранялась.

В 1652 г. на крестьян и солдат жаловался и М. Кармихель, которые, по словам полковника, «начальных людей ненавидят» [41. Л. 56—57.] Первоначально солдатам и драгунам выставочных волостей было приказано являться на ученье в погосты, а с 1653 г. по царскому указу начальные люди были разосланы по этим волостям. Однако, как снова доносил М. Кармихель воеводе А. Чоголову, солдаты в этих волостях: «в ученье не ходят и их [начальных людей — Д. Б.] бранят и бьют» [41. Л. 356.]

в) Принятие иноземными начальными людьми православия

Конфликты между иноземными офицерами и местными крестьянами и пашенными солдатами случались не только по причине бытовых неудобств (присутствие иноземцев в крестьянских дворах) или нежелания крестьян нести солдатскую службу, но также из-за профессиональных различий. Проблемы, возникавшие во взаимоотношениях пашенных солдат и начальных людей, можно было решить либо назначением в олонецкие полки русских начальных людей, либо иноземцев, принявших православие. Т. А. Опарина, изучая род Иоганна Эйлофа, приехавшего в Россию из испанских Нидерландов еще в XVI в., выявила факты принятия православия рядом его потомков. Один из них, Иван Данилов Ильфов, служивший некоторое время в Олонецком уезде, принял крещение по православному обряду в 1648 г. (в то время он был рядовым, служил в роте иноземцев «старого выезда») [53: 198.]

По данным исследовательницы, изменение вероисповедания не повлекло немедленных служебных перемещений. Только в 1651 г. Иван Ильфов составил прошение о переводе на Олонец с повышением чина. Просьба «новокрещена» Ивана Ильфова была удовлетворена, и он был назначен прапорщиком к капитану Ивану Вуду (своему родственнику) в солдатский полк М. Кармихеля. Исследовательница полагает, что новое звание являлось наградой за восприятие таинства. Также автор замечает, что назначение иностранцев, принявших православие в олонецкие полки — это один из способов погашения конфессиональных конфликтов [53: 199—200.] Правда, отправление в Олонецкий уезд православного Ивана Ильфова не могло быть ответом на бунт солдат, начавшийся после указа 1652 г., как утверждает Т. А. Опарина, анализируя челобитную полковника А. Гамильтона, жаловавшегося на отказ солдат подчиняться «неверным» и «не крещенным» иноземцам, так как Иван получил свое назначение еще в 1651 г. Тем не менее, не исключено, что после 1652 г. в олонецкие полки пашенных солдат по возможности и при необходимости стали назначать больше православных, в том числе русских начальных людей, однако иноземцы все-таки численно преобладали. Т. А. Опарина полагает, что принятие православия могло способствовать более быстрому продвижению по службе. О следующем повышении Ивана Ильфова ею сообщается, что он был переведен в чин поручика полка А. Гамильтона по челобитью в 1654 г. [53: 199.] В 1656 г., по данным исследовательницы, он служил в чине капитана, но уже в полку Юрия Инглеса. Выявленные нами сведения подтверждают и корректируют продвижение по службе Ивана Ильфова. По изученным документам в 1653 г. он — прапорщик [41. Л. 129, 144.], в августе 1654 г. — полковой квартирмейстер полка А. Гамильтона (помета «переписался в ыной полк») [42. Л. 18.] В росписи начальных людей того же полка, которым был «дан корм на Москве», приложенной к грамоте от 5 февраля 1655 г., имя Ивана Ильфова еще присутствует [42. Л. 72.], но в росписи от 21 февраля 1655 г. его имени уже нет. Т. А. Опарина связывает направление православного иноземца на службу в олонецкие солдатские полки с политикой, нацеленной на умиротворение солдат, не желавших обучаться под командованием офицеров иного вероисповедания.

Возможно, некоторые из прибывших в Заонежские погосты в 1649 г. для обучения пашенных солдат, уже тогда поменяли веру. По крайней мере один из них — иноземный каптинармус полка А. Гамильтона был православным в 1649 г. («Вилим Трейден во крещенье Денис») [40. Л. 303.] Однако встречали ли местные жители крещенных в православие иноземцев доброжелательнее, чем иноверцев, по имеющимся в нашем распоряжении документам сказать нельзя. Имя «Вилим Трейден» не встречается в росписях начальных людей изучаемых полков в последующие годы, однако в росписи полка М. Кармихеля за 1654 г. записан прапорщик Денис Трейден [42. Л. 13.] Вероятно, это тот же самый человек, у которого имя, полученное при крещении в православие, заменило собой иноземное. Случай с крещением Дениса Трейдена можно проанализировать с точки зрения влияния принятия иноземцами православия на их продвижение по службе. По-видимому, факт крещения в православие, как справедливо отметила Т. А. Опарина, не вызывал немедленного повышения в чине. Из грамоты от 18 августа 1654 г. по челобитью новокрещена прапорщика Дениса Трейдена о пожаловании ему «за крещенья православные христианские веры» и за службу во Пскове в роте его родного брата Андрея Трейдена кормом в «порутчикову статью» [42. Л. 36.], становится ясно, что в период между 1649 и 1654 гг. Денис Трейден был переведен в чин прапорщика. В данной грамоте решение не прописано, получил ли челобитчик более высокий чин остается неясным, но в росписи полка М. Кармихеля за январь 1656 г. Денис Трейден числится поручиком [42. Л. 246.] Более того, в марте 1656 г. имя Дениса Трейдена уже встречается в росписи полка Томаса Крафтера в чине капитана [42. Л. 416.] Таким образом,

Вилим Трейден, принявший православие и получивший в крещении имя Денис, действительно продвинулся по службе от простого каптинамуса до капитана — командира роты солдат, последовательно пройдя чины прапорщика и поручика в течение семи лет.

Были случаи и более быстрого карьерного продвижения. Самым, пожалуй, показательным примером является карьерный рост иноземного офицера Ягана Трейдена — от прапорщика до полковника. К сожалению, в изученных нами документах нет сведений о вероисповедании Ягана Трейдена, остается неизвестным принял он православие или нет. Судя по описанному в монографии А. В. Малова случаю бунта солдат против Ягана Трейдена, в котором на стороне солдат выступил даже один священнослужитель, надо полагать, полковник так и не перешел в православие.

Заключение. Появление в олонецких полках иноземного строя русских начальных людей

Таким образом, очевидно, что переход в православие не являлся необходимым условием для продвижения по службе и повышения в чине. Особенно в условиях военного времени, по-видимому, ничуть не менее чем принадлежность к православной вере ценились военные таланты и способность руководить воинскими подразделениями. Именно этим, вероятно, объясняется тот факт, что жалование русских начальных людей в изученных росписях полков всегда было ниже жалования иноземцев, служивших в том же самом чине. При этом разницы в жалованных окладах за службу иноземных офицеров одного чина, но разной конфессиональной принадлежности, в том числе принявших православие, в изученных документах не выявлено.

Наш вывод сводится к тому, что переход в православие мог быть лишь дополнительным, но не определяющим аргументом в просьбе о повышении в чине. Зато крещеным по православному обряду начальным людям, вероятно, было легче получить назначение в олонецкие полки пашенных солдат. По крайней мере уже в начальный период войны с Польшей число русских начальных людей в полках значительно увеличилось: с десяти человек в 1654 г. до пятидесяти одного в 1656 г. Это данные не носят исчерпывающего характера, однако рост численности русских начальных людей очевиден. Безусловно, такая динамика не была связана исключительно со стремлением избегать конфессиональных конфликтов. Овладение русскими людьми западноевропейскими военными навыками позволило постепенно вводить их в офицерский состав, что было выгодно, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, исключалась проблема конфессиональных конфликтов, во-вторых, русским начальным людям можно было платить не такое высокое жалование, как иноземцам.

Источники и литература

Опубликованные источники:

1. 1649 г. февраля 18. — Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах // Дополнения к актам историческим. Т. 3. 1848. С. 170—173.

Неопубликованные источники:

НАУЧНЫЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

ФОНД 98. ОЛОНЕЦКАЯ ВОЕВОДСКАЯ ИЗБА.

2. 1649 г. декабрь. — Память старостам и судейкам Шуйского, Кижского, Шунгского, Олонецкого, Важенского, Выгозерского погостов, Великогубского конца и волостей Сямозерской и Святозерской с повелением прибыть на Олонец с солдатами и начальными «учительными» людьми к 22 января 1650 г. с «запасом» и подводами на «сход» // К. 1. Д. 40 (а). Сст. 14 с об.
3. 1649 г. декабрь. — Память полковнику Мартыну Кормихелю с начальными людьми и солдатами всех погостов «быть в сход» на Олонец к 22 января с извещением об отсылке памяти старостам погостов об обеспечении солдат подводами и их оповещении о «сходе» // К. 1. Д. 40 (а). Сст. 15 с об.
4. 1649 г. декабрь. — Память старостам и судейкам Важенского, Остречинского, Веницкого, Оштинского, Мегорского, Вытегорского, Андомского, Пудожского, Шальского, Водлозерского погостов с поручением сообщить солдатам и учительным людям о государевом указе о явке «на сход» на Олонец с оружием, недельным запасом продовольствия к 22 января 1650 г. // К. 1. Д. 40 (т). Сст. 13 с об.
5. 1649 г. — Челобитная крестьянина Лопского Никольского Паданского погоста Прошки Иванова с жалобой на капитана Федора Федорова, который велит ему нести пашенную службу и ходить на учение, несмотря на то, что согласно досмотрам стольника Дмитрия Волконского, а затем подьячего Дениса Посникова Прошка был от солдатской службы освобожден // К. 1. Д. 67 (б). Сст. 4 с об.
6. 1649/50. — Челобитная майора полка Мартына Кармихеля, «кормового» иноземца Томаски Бейли, с жалобой на старост Никольского Андомского погоста Федора Фомина и других, не выплативших ему денег, израсходованных на покупку леса и наем рабочих для починки старого двора священника Ивана Борисова, в который майора поселили старосты 1649/50 г. Фетка Июдин и Завьялко Фомин // К. 1. Д. 147 (12). Сст. 21 с об.
7. 1650 г. января 14. — Дело о переселении барабанщиков, размещенных в доме старосты Павелки Пиминова, в пустующий двор // К. 1. Д. 35 (б). Сст. 2, 3.
8. 1650 г. января 22—24. — Дело по челобитной московского кормового иноземца майора Володимерки Кармихеля об оскорблении его старостой Павлом Пиминовым // К. 1. Д. 80 (а). Сст. 1, 2, 2об.
9. 1650 г. января 24. — Дело по челобитной полкового квартирмейстера Ивашки Сванова (Шванова) с жалобой на крестьянина Черкаса Федорова с детьми и племянником Микулой Еремеевым, бравивших, бивших и угрожавших убить его брата прапорщика Давыда Свана // К. 1. Д. 80 (в). Сст. 5—8.
10. 1650 г. января 25. — Дело по челобитной солдата Ильинского Веницкого погоста Микулки Еремиева о сыске по делу против него по челобитью солдатского учителя иноземца Давыда Иванова сына Шванова (Сванова) // К. 1. Д. 80 (б). Сст. 3, 4.
11. 1650 г. января 23. — Дело об отпуске иноземца поручика Давыдки Вернора из Заонежских погостов в Великий Новгород // К. 1. Д. 35 (г). Сст. 5, 6.
12. 1650 г. январь. — Челобитная окольничего и воеводы князя Федора Федоровича Волконского и воеводы Степана Парфеньевича Елагина с сообщением об отпуске в Москву из Олонца на месяц иноземца Еремея Роформа для того, чтобы он перевез свою семью из Москвы в Олонец // К. 1. Д. 69. Сст. 2об.
13. 1650 г. март. — Отписка воевод Степашки Елагина и Васки Чоглокова об отпуске Манги Сарыхгера, квартирмейстера полка Мартына Кормихеля, в Москву для подачи челобитной государю о своих личных нуждах // К. 1. Д. 67 (т). Сст. 7об.
14. 1650 г. марта 28. — Наказная память воевод Василия Чоглокова и Степана Елагина старосте Воскресенского Важенского погоста Федору Павлову и Мирошке Лазареву по челобитной прапорщика полка Мартына Кармихеля иноземца Дмитрия Рыкарева, определенного на полгода на жительство во двор старосты погоста Павла Пименова, с жалобой на старосту, который выгнал его со двора и ограбил // К. 1. Д. 147 (8). Сст. 15.

15. 1650 г. марта 31. — Наказная память воевод Василия Чоглокова и Степана Елагина по мирской челобитной старосты Покровского Вытегорского погоста Сенки Иванова Вотолына, Дмитрейки Июдина и всех крестьян с жалобой на иноземца капитана Елизаря Мартынова, везшего в Лопские погосты оружие, и отнявшего у посланных с ним из Покровского Вытегорского до Никольского Андомского погоста проводников их сани // К. 1. Д. 116 (б). Сст. 2об.
16. 1650 г. апрель. — Дело по челобитной солдата Никольского Пудожского погоста Никифорки Семенова о переводе его из барабанщиков в рядовые солдаты // К. 1. Д. 116 (в). Сст. 1, 2.
17. 1650 г. апреля 24. — Дело по челобитной старосты Никольского Паданского погоста пашенного солдата Ондрюшки Савина об освобождении солдат от еженедельных военных смотров в Селецком погосте, расположенном в 20-ти верстах от места их обучения // К. 1. Д. 67 (л). Сст. 26 с об., 27 с об.
18. 1650 г. апреля 24—25. — Дело по челобитной старосты Никольского Паданского погоста пашенного солдата Ондрюшки Савина об освобождении солдат от еженедельных военных смотров в Селецком погосте, расположенном в 20-ти верстах от места их обучения // К. 1. Д. 67 (м). Сст. 28—30.
19. 1650 г. апреля 27. — Дело по челобитной урядников, сержантов Деониски Голодова и других [всего 2 имени], капралов Сенки Ортемьева и других [всего 5 имен] роты майора Роборта Алета полка Александра Гамильтона о самовольной продаже чумаком олонецкого кабака Стенкой Ивановым в Туломозерской волости Олонецкого погоста «питья» и взимании высоких пошлин с продажи лошадей и коров // К. 1. Д. 67 (р). Сст. 35—36.
20. 1650 г. мая 20. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова старосте Рождественского Водлозерского погоста Андрюшке Лукину и крестьянину Андрюшке Конанову об отводе нового солдатского двора для жительства поручика Петра Александрова, служащего в полку Мартына Кармихеля // К. 1. Д. 80 (ж). Сст. 21.
21. 1650 г. июня 5. — Дело по челобитной старосты Сямозерской волости Трофимки Ермолина с жалобой на начальных иноземных людей, которые, проезжая через их волость, требуют на основании подорожных, выданных еще в Москве для проезда в Заонежские погосты, предоставлять подводы для проезда в другие места // К. 1. Д. 151. Сст. 1 с об., 2.
22. 1650 г. декабря 15. — Дело по отписке полковника Мартына Кармихеля о решении разных вопросов службы // К. 1. Д. 80 (е). Сст. 12—14, 16, 17 с об. — 20 с об.
23. 1651 г. января 8—10. — Дело по челобитной старосты Сямозерской выставки Рождественского Олонецкого погоста Ефремки Исакова и за всех солдат с жалобой на капитана Андрея Нилдина, которому велено было по наказной памяти ставить на заставу на шведской границе наравне с солдатами Сямозерской волости солдат Святозерской волости, чего он не делал // К. 2. Д. 16. Сст. 1, 2.
24. 1651 г. января 23. — Дело по челобитной поручика Томаски Пенцера [Спенцера] полка Мартына Кармихеля с жалобой на солдат Шокшинской волости Рождественского Остречинского погоста Карпушку и Лазарку Ивановых, бранивших, избивших и поранивших его во время набора солдат на службу // К. 2. Д. 5 (11, 12, 13). Сст. 12 с об., 13, 14.
25. 1651 г. января 23. — Дело по челобитной солдат Никольского Андомского погоста Ромашки Томилова, Гаврилки Трофимова и Васки Жданова с просьбой о денежной компенсации за постой иноземцев начальных учительных людей, живущих в их дворах вторую зиму // К. 2. Д. 5 (3, 4). Сст. 4 с об., 5.
26. 1651 г. января 24. — Дело по коллективной челобитной начальных людей полка Мартына Кармихеля с просьбой отвести им для постоянного жительства отдельные дворы, чтобы не терпеть убытков при переезде с одного двора в другой, и взыскать со старост деньги, потраченные ими на постой // К. 2. Д. 5 (9, 10). Сст. 10 с об., 11 с об.
27. 1651 г. января 26. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова полковнику Мартыну Кармихелю с повелением объявить солдатам об указе царя Алексея Михайловича, присланном в город Олонец 24 января 1651 г., об изготовлении фитилей, готовности к службе и об освобождении солдат от государевых податей за службу // К. 2. Д. 5 (14). Сст. 16, 17.

28. 1651 г. марта 9. — Дело по челобитной полковника Александра Гамельтона и подполковника Эрочки Андерсона и всех «начальных людей» с жалобой на солдат, которые их не слушают, фитили не делают, на солдатскую службу не ходят, а также о бунтовщиках // К. 2. Д. 45. Сст. 1—6.
29. 1651 г. марта 10. — Дело по челобитной подполковника полка Александра Гамильтона иноземца Иришки Андерсона с просьбой велеть старосте Никольского Шунгского погоста построить во дворе, где его поселили, вторую избу, так как в одной избе ему с семьей и со слугами жить тесно // К. 1. Д. 147 (7). Сст. 13 с об., 14.
30. 1651 г. марта 10. — Дело по челобитной капитана полка Александра Гамильтона иноземца Андрюшки Боколькова с жалобой на «заезжего» крестьянина Климентия Козмина, который 2 июня 1650 г. бранил матерно челобитчика, когда тот находился в избе порутчика [имя не указано] // К. 1. Д. 147 (13). Сст. 22 с об., 22а.
31. 1651 г. март. — Запись об отпуске наказной памяти старостам Никольского Андомского погоста Фетке Фомину, Куземке Мартемьянову и Суботке Григорьеву с указанием выплатить деньги, потраченные майором на починку двора // К. 2. Д. 48 (з). Сст. 17.
32. 1651 г. апреля 1—8. — Дело по челобитной солдата Туломозерской волости Ильинского Олонецкого погоста Марчки Ульянова за всех солдат той же волости с просьбой о строительстве отдельного двора для майора Романа Филипова, который живет у них в волости с 1649 г. по разным крестьянским дворам // К. 2. Д. 48 (а). Сст. 1 с об., 2.
33. 1651 г. апреля 22. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова подполковнику полка Александра Гамолтона Иреку Андресону по челобитной кабацкого откупщика Никольского Шунгского погоста Ивашки Козмина сына Розтовца с указанием начальным людям унимать солдат от хулиганства // К. 2. Д. 48 (г). Сст. 7.
34. 1651 г. апреля 22—26. — Дело по челобитной солдат Спасского Кижского погоста Сенки Савастьянова и Ивашки Третьякова с жалобой на капрала Тихона Дорофеева «с товарищи», взявших у них перед поездкой под Псков судно со всем судовым запасом, разбивших его и не заплативших за него // К. 2. Д. 60. Сст. 1, 2.
35. 1651 г. апреля 25. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова подполковнику полка Мартына Кармихеля Гуго Крафтерту о сыске и об отправке в город Олонец крестьянина Никольского Пудожского погоста Гришки Тихонова сына Красильника // К. 2. Д. 48 (б). Сст. 3.
36. 1651 г. июля 16—18. — Дело по челобитной дьячка Никольского Пудожского погоста солдата Алешки Калинина об исполнении им обязанностей писца в течение года и о невозможности прокормиться // К. 1. Д. 80 (з). Сст. 22, 23.
37. Не позднее мая 1654 г. — Отписка полковника Мартынки Кармихеля воеводе Василию Александровичу [Чоглокову] с жалобой на то, что воевода шлет распоряжения по солдатским делам к старостам и отнимает у него власть над солдатами // К. 3. Д. 16 (м). Сст. 1.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ФОНД 137. БОЯРСКИЕ И ГОРОДОВЫЕ КНИГИ.

38. 1650 г. — Олонца города сметной список окладным и неокладным всяким денежным доходам и сборам, и сколько сих денег издержано // Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 2. 63 л.
39. 1653—1662 гг. — Олонца города сметные списки четвертным окладным и неокладным денежным доходам и расходам // Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 4. 523 л.

ФОНД 141. ПРИКАЗНЫЕ ДЕЛА СТАРЫХ ЛЕТ.

40. 1649 г. февраль — июль. — Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для солдатских драгунских полков Александра Гамента да Мартина Кармихела // Ф. 141. 1649. Д. 29. 368 л.
41. 1652 г. август. — 1654 г. май. — Дела по челобитным разных служилых иноземцев, просящих о государевом жалованье // Ф. 141. 1652. Д. 79. 369 л.
42. 1654 г. сентябрь — 1657 г. апрель. — Дело 1) О выдаче всех чинов военнотружущим иностраннм людам жалованья и месячного корма; 2) О комплектовании полков и о высылке оных на стражение против Литвы; 3) О посылке в Олонец воеводоу на место Василья Чоглокова столни-

ка Петра Пушкина и с ним в товарищах Гдовского воеводу Степана Елагина, а во Гдов воеводою Степана Нащокина // Ф. 141. 1654. Д. 100. 517 л.

43. 1657 г. январь. — июль. — Дело о сыску олонецких беглых драгун и солдат, отписки и отпуски грамотам из приказу Тайных дел // Ф. 141. 1657. Д. 1. 121 л.
44. 1659 г. январь. — 1665 г. июль. — Дело о выдаче Олонецким и Заонежским начальным людям казакам и солдатам государевого хлебного и денежного жалованья. Тут же и другие разные воинские дела разных городов солдатам // Ф. 141. 1659. Д. 19. 694 л.

Литература

45. Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1885. 215 с.
46. Брусницына Д. В. Иноземные офицеры - ценные специалисты на службе царя или обидчики царских подданных? // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации. Материалы VI региональной научно-методической конференции (22–23 ноября 2012 г.) Часть II. (А–К). С. 62–64. [Электронный ресурс]. URL: http://petrsu.ru/files/2012/11/f7109_9.pdf, свободный. Проверено: 15.11.2013 г.
47. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2003. 256 с.
48. Курбатов О. А. С. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157—195.
49. Курбатов О. А. «Чудо архангела Михаила»: Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Верховичах. 1655 г. // Исторический архив. 2005. № 3. С. 196—216.
50. Лаптева Т. А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. 1994. С. 109—127.
51. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
52. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1947. 176 с.
53. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
54. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (Правовой статус и реальное положение). М.: Древлехранилище, 2004. 343 с.
55. Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2. Электрон. ст. URL: <http://illmik/petrstu.ru/2006news3/Ryzhkov2.html>, свободный. Яз. Рус. Загл. с экрана. Проверено: 15.11.2013.
56. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3. [Приложение к газете «Карелия» № 47 (646). 21 июля 2000].
57. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 296 с.

Daria V. Brusnitsyna

Research Assistant, Interdisciplinary scientific-educational center CARELiCA,
Northern European Studies Institute of PetrSU,
Lecturer in the Department of General history of the Faculty of history of PetrSU

«LEADING PEOPLE» IN OLONETS REGIMENTS OF PLOUGHMEN SOLDIERS (1649—1666)

Abstract. In the article the question about officers in the regiments of ploughmen soldiers formed of the Olonetskii uezd state peasants is considered (1649-1666). In the focus of the author's attention are foreign and Russian officers, their correlation in the studied regiments in different years of their existence, relations with subordinate soldiers and local population. Based on analysis of acts and lists of officers' names preliminary conclusions about the possibility of determining a confession of some foreign officers are made. Revealed cases of foreign officers' adoption Orthodoxy analyzed from the point of view the influence of this fact on their promotion.

Key words: *Olonetskii uezd; the 17th century; regular regiments; ploughmen soldiers; foreign officers; Russian officers*